

С. М. Прохоров.

Выставка „Жар-Цвет“.
(Харьковский худож. техникум).

Подружки.

ЦЕНА в Москве, провинции и на станции жел. дор. — 25 копеек.

КРАСНАЯ НИВА

№ 19. Третий год издания. 3 Мая 1925 г. Москва. Третий год издания. № 19.

Ориг. рис. для «Красной Нивы» Р. Френца.

„Да здравствует Первое Мая — день боевой солидарности рабочих всех стран, день сплочения вокруг рабочих трудящихся масс города и деревни!“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ НИВА

— ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ —
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО И Ю. М. СТЕКЛОВА

№ 19

Москва, 3-го мая 1925 г.

№ 19

Спец. рис. для «Красной Нивы» Р. Френца.

„Да здравствует международная смывка рабочих и крестьян!“

Фот. Н. Петрова.

М. Сухотина.

Выставка «Жар-Цвет».

Фруктовая лавка.

пара, а нынешняя полтина при наших делах дороже того полкового—вот оно што. Да и—попы... Ище вопрос—дозволят ли даром?..

Я бесился. Я—к раскаянью—проглядел в глазах собеседника твердые, иронические огоньки, и хватал лишь верхушки:

— Так-к... Позволят-ли?.. Ну, выкладывай, а потом сообща поищем исход. Найдём!.. И накручу я тебе, другу милому, оптом: и за попов, и за дочкины сласти...

Брови гостя—готово-дело: полезли кверху—сердится. А тон по-прежнему невозмутим:—Крути, ежели сможешь. Вить и я, коли-што, в долгу не останусь. Дыть што толку.

— Крути.

— Вот те и—крути... Черти... Извели косяк, погубили ни за што...

— Какой косяк?

— Ле-ес!—пальнул дядя-тятя и выкатил глаза.—Сосняк. Под деревней.—Подумал, поворошился и продолжал жалеючи:—Такой, голова, косячек, любо-дорого. По осьнадцеть, по двадцеть были аршин—деревя. Как стрела! Не то, што нам, а и внукам бы хватило. Тогда—окаянный их души! зеленые... Обломали сучья незнамо на што. Да и ваши, черти... Приехали наших братья—палили по ем из орудия. И—готово, захез. Растащили по дереву, кому ни понадея... Наши—на ваших, ваши—на наших, а мужик таперь терпи.

Эта искренность меня рассмешила:

— Чудак!.. Подкрутил самого себя, ха-ха-ха!..

Стул под дядей-тятей скрипнул всеми суставами. Дядя-тятя поднялся, взял кушак и стал обматывать его выше крестцов. Мне было стыдно глядеть в лицо гостя, и думал я тупо:

«Какая длинная штука—кушак... Зачем он как затягивается? Деньги, какие есть, перекочат из пазухи в кассы городского базара... На дворе начинается оттепель... Странно... Оборот, два, три»...

— Ну, прости... Ище раз благодарим за чай за сахар... А разговоры такие нам не рука... Не рука, да-а... Говорить надобно делом, а не хаханьки...

Я целиком осознал свой промах.

— Слушай, дядя Александр... Погоди. Ты... извини... Он дернул плечами, избоченил голову и сказал:

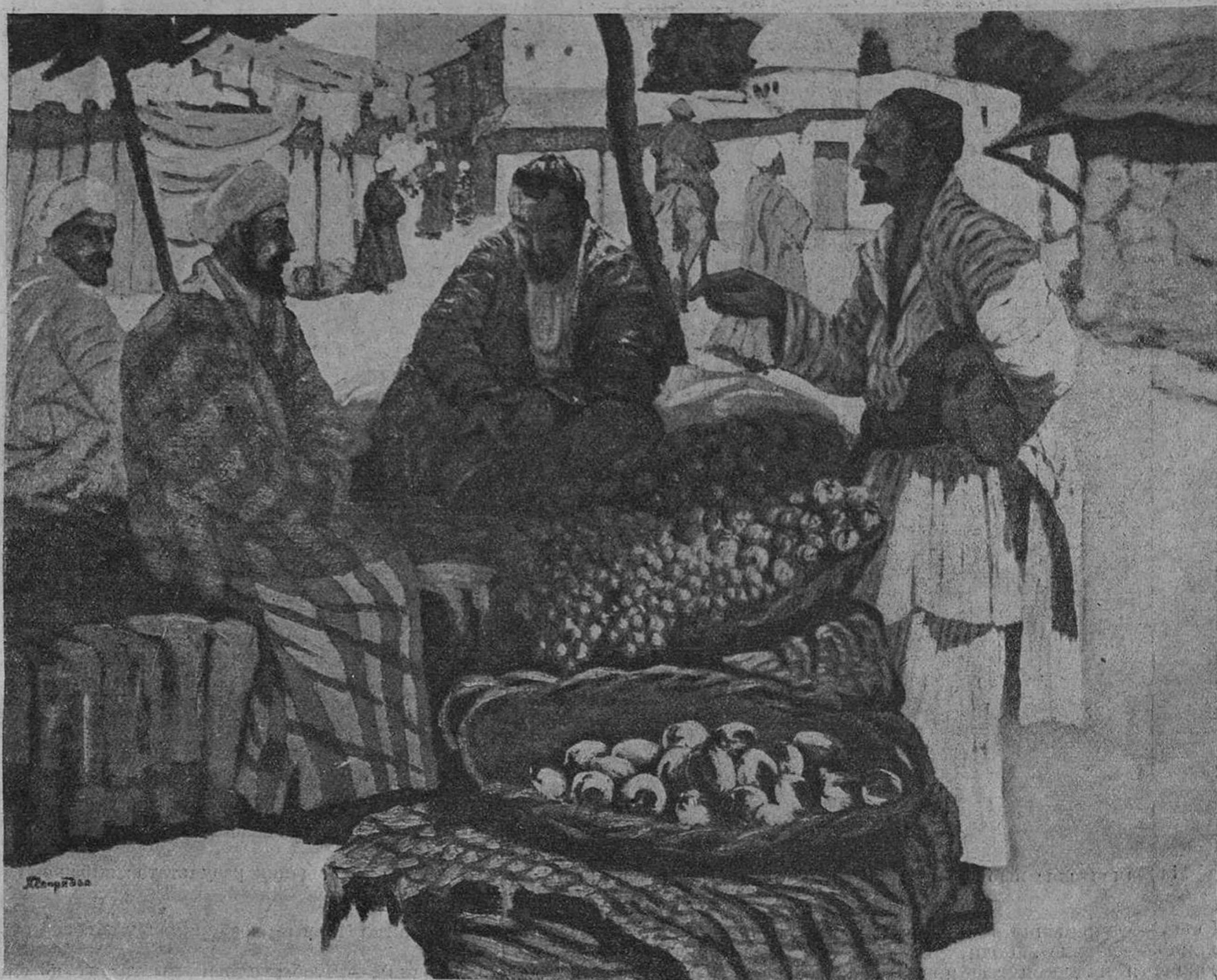
— Дыть чего извинять—извинять-то нечего. Ровно вы—первый. Не с сегодня мужик в дураках ходит. Испоконь веку так—слава те господи...

— Ну вот—в дураках,—путался я красный и, наверное, глупый-глупый.—Я же сам—из крестьян...

Дядя-тятя маленько попустил брови.

— Из крестьян, да—из'ян. Видать—откачнулся от деревни, вот оно и тово... неловко. За своего ище пуще обидней. Уж лучше бы молчал. Из крестьян... Х! Да

Фот. Н. Петрова.

И. Свиридов.

Выставка «Жар-Цвет».

Туркестанский базар.

што? Все мужик—в плохих: и дурашна-ёт, и самогончик-от, и лентя-ят... Ых вы-ы, го-ло-вы!...

Присел, а брови-то!.. спускаются, пошли в стык—оттепель!

— Кого не послушаешь—все так. Все по верхям летают. За облака задевают, а за низ-от, за нутро-то—нихто. Летать... Да куда мне летать? С печи на голбец?

Ткнул рукой к окну, и, должно быть, пожалел, что рука длиной—аршин, а не тридцать.

— Вон он... мой проплан. Одер... Того гляди—ветром сшибет. И кнут не берет. Как ехать, так—хлабастина. Пока едешь—всю измочалишь об зад. А сменять на какую получше—и не думай, не огореваться.

Покрутил головой, почмокал и продолжал:—И на золу скажу... Ты ища в зыбке качался, а я уж на ее имел виды. Знаем, што к чему идет, да вить кабы сообща, всей деревней... А один поди-ко? Ты повез на полосу золу, а над тобой хаханьки. Сторишь!.. У нас, бывало, один испробовал... Посеял овсы—по книжке, а они, ровно на грех, не задались. Дак до того довели, што из петли вынули—во-о-т. Я на все скажу, на што хош... И на газету... Политика там, курс жизни—правельно!.. А ну-ко, где правельно написано про мужика—укажи-ко? Ежли укажешь, вот истенный госпоть!.. Покупи не справлю, а книжку ту куплю, аль газету...

Перекрестился на обои и бросил вызов:

— Ну?!

В голове моей завертелся горячий, красный клубок, и отрывались от него короткие мысли-строчки:

«Укажи... Ответственный... Смычка... Дядя-тятя... Вот так—д-да»...

На этажерке лежат лучшие русские писатели, вместившие в себе тягучую тоску полей, дикость, тьму, дурасьво родной деревни—они не то. Мне надобна книга о пытли-вом, стромком дяде-тате, о советском крестьянине, человеке мудреном и решительном. Читать эту книгу надо сейчас, пока в мошне у дяди-тати лежат невеликие рубли, пока на окнах рушатся древние замки и колючие ели—пока оттепель... Но нет у меня этой книги и я не знаю, написана-ли она?

И решил я на крайнюю смелость:

— Хочешь слушать про жизнь?

— Про чью?

— Про крестьянскую, про теперешнюю...

— О?—обрадовался дядя-татя и в то же время не верил.—Едва-ли?... А валяй... Послушаем. Это любопытственно...

К р и т и к.

Я бросился в свое хранилище, принес тетрадь (одну из трех, вчера вышедших из машинки) и с трепетом приступил к чтению. Прочитанные листки я складывал на шалку дяди-тати, не искушенного блестящими творческой фантазии, истинного ценителя словесной правды. Голос мой срывался: я боялся прочесть на лице критика свой смертный приговор.

С листков разговаривала деревня...—Новинки, в которой вчера под вечер дядя-татя запрягал и верил, что—

ЛХ 244
44

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНА в Москве, провинции и на станции жел. дор. — 25 копеек.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

№ 20. Третий год издания. 10 Мая 1925 г. Москва. Третий год издания. № 20.

Собор в Софии, после взрыва 16 апреля.

КРАСНАЯ НИВА

— ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ —
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО И Ю. М. СТЕКЛОВА

20

Москва, 10-го мая 1925 г.

№ 20

Переезд Узбекистанского правительства из Ташкента в Самарканд.

Великий исторический момент в Самарканде. 3 апреля только-что избранное правительство Узбекской республики покинуло Ташкент и перенесло свою резиденцию в древний Самарканд. Этот исторический день отпразднован особенно торжественно всем населением Самарканда. Правительство было горячо приветствовано населением. Ахун Бабаев, недавний батрак, а ныне глава правительства Узбекистана, председатель ЦИК'а, стал популярной личностью среди рабочих и дехкан, видящих в нем светлое будущее возрождающегося Узбекистана. На снимке: Митинг в Самарканде.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ НИВА

— ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ —
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО И Ю. М. СТЕКЛОВА

№ 21

Москва, 17-го мая 1925 г.

№ 21

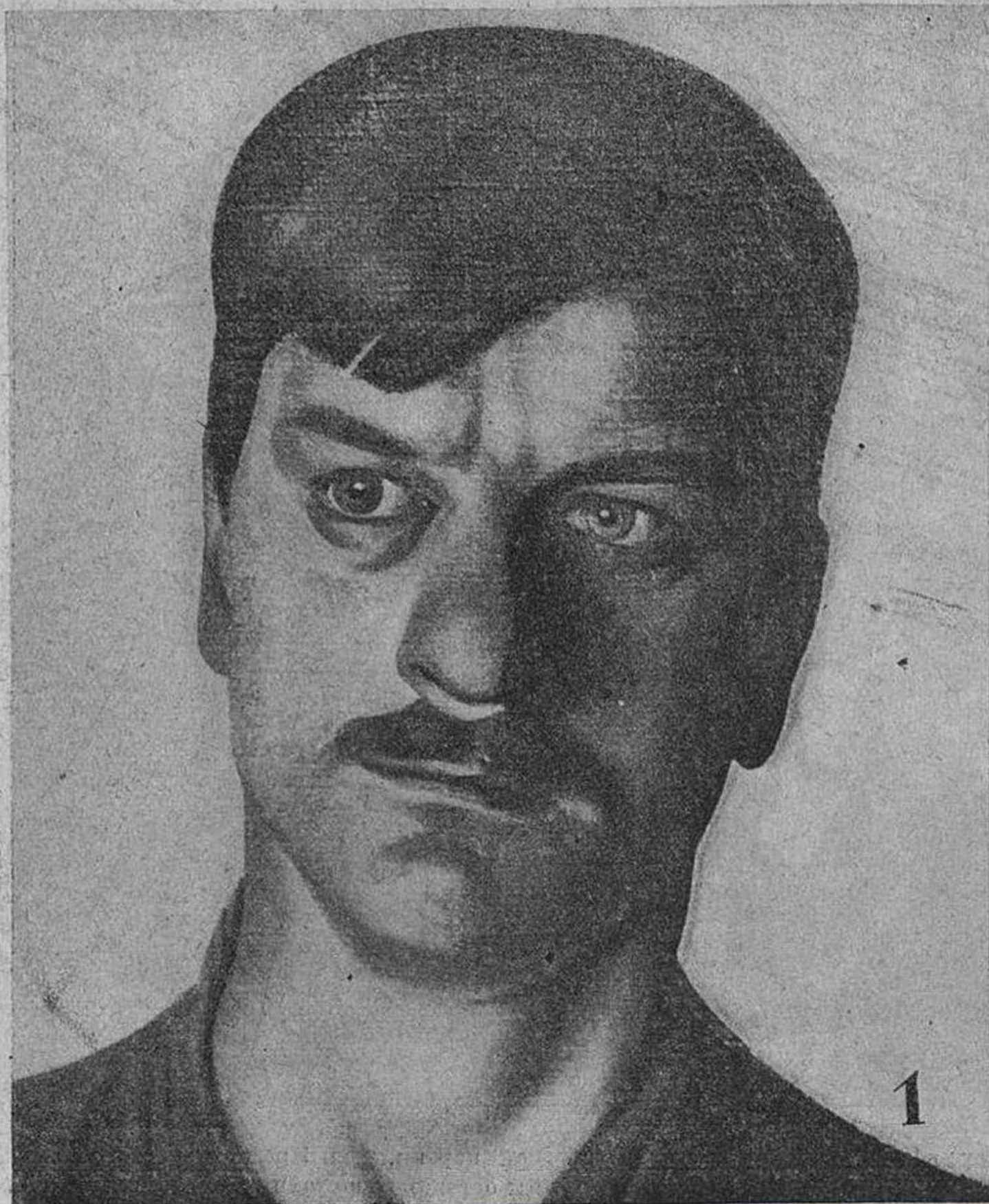
Фот. Н. Петрова.

Ф. Богородский.

(Выставка „Жар-Цвет“).

Беспризорные.

Выставка «Жар-Цвет» в Москве. 1) М. Шаронов.—Голова рабочего. 2) Его же.—Индус.

массивные, серебряные, фунта в два весу, но все же влезть в них, даже и таким мальшам, как мы, было трудно.

Во время одного из уроков пения, мы всем классом тянули до-о-о... ре-е-е... ми-и-и..., а Антон Григорьевич паровичком между парт катался, то к одному своим волосатым ух м приложится, то к другому: не врет ли кто...

Пил жившись к Арканьке, Антон Григорьевич нежно потянул его за ухо и вывел на середину. Класс тут же затих. В тишине стало жутко, уже знали, что будет дальше.

— Богданов, возьми ля!

Арканька кашлянул и протянул:

— Ля-я.

— Богданов ты или козел?!—спросил Антон Григорьевич Арканьку, чуть повысив голос.

Арканька молчал; он свесил голову и старательно ковырял какую-то болячку на руке.

— Богданов ты или козел?!—закричал уже Антон Григорьевич, трясая Арканьку за плечи.

— Не знаю.

— Не знаешь!!! Козел ты, козел...

Нос Антона Григорьевича из красного превратился в фиолетовый. Он входил в азарт; вынул свои массивные часы и положил на стол.

— Богданов! Лезь!

Арканька поглядел на часы и продолжал стоять. Он знал—без помощи Антона Григорьевича не влезть.

— Лезь, тебе говорят!

— Никак.

Антон Григорьевич забрал в свой толстый кулак жиденькую шею Арканьки и стал втискивать его в часы; голова Арканьки больно стучалась об стол.

Влезание в часы продолжалось до тех пор, пока Антона Григорьевича не брала одышка, после чего он выпускал жертву и говорил:

— Нет! Видно не влезть тебе... уши ослиные не пускают.

С Арканькой на этот раз случилось иначе. Он, набивая на лбу шишки, сумел каким-то образом угодить головой в учительские часы. Те, солидно крякнув, разбитым стеклом—свалились на пол.

Антон Григорьевич, не дожидаясь такого конца, выпустил Арканькину шею и смотрел на часы... Опомнившись, занес было руку для воздания должного Арканьке, но его и след простыл.

Антон Григорьевич ушел из класса, не дожидаясь звонка.

Мы, ребятня, обрадовались и испугались вместе. Обрадовались гибели насоливших нам часов и испугались за Арканьку.

— Что теперь ему будет?!

День уже кончался и рагные осенние сумерки заволокли понемногу солнце. Мы рылись в кучах сухих желтых листьев, облетевших с тополей.

К нам подошла тетя Поля—Арканькина мать.

— Ребятишки, не знаете, где Арканька?

— А разве он не дома?

— Нету. Стервец прямо из школы куда-то скрылся.

Было уже темно. Вспомнив случившееся в классе, нам стало страшно за Арканьку и мы рассказали тете Поле историю с часами.

— Бить его, мерзавца, мало!—решила тетя Поля.

Искали долго этот вечер Арканьку, бегали и на речку, и на кладбище, и на фабрику. Нигде нет, как в воду канул.

Искали неделю, потом бросили, решили: пропал мальчишка.

Мать уже больше не говорила, что «бить его мало» и в разговорах с бабами называла его Арканей.

— Какой он у меня старательный был, бывало, кружки ли к ведрам, салазки ли сделать, полочку прибить—все он... а теперь нет, где може умер...—и тетя Поля принималась плакать.

Наша детская жизнь тоже завяла без Арканьки. Не было шумных хороничек, не было лапты, а все сидели да рассуждали про Арканьку. Строились разные догадки—куда он мог деться, вернется ли назад.

— Утопился,—думали одни.

— А по-моему в лесу он, погоди, как-нибудь шайку соберет и будет, как Вася Чуркин, богатых грабить.

— Нет, верно уехал путешествовать в Америку,—закрывали самые наивные.

рис. 3) К. Кешиков.—В. Н. Фигнер (дерево). 4) В. Домогацкий.—Н. А. Семашко.

Ясные осенние дни с запахом яблок антоновских вскоре сменились дождливыми, с холодным ветром и солнце совсем спряталось в сырые, набухшие тучи. В один такой день, возвращаясь из школы целой партией, на дворе увидели тетю Полю. Она была весела и глаза ее больше не прятались от посторонних. Нам она сказала:

— Арканька-то пришел!

У нас от неожиданности животы подвело.

— Где же он?

— Спит на печке.

— Поглядеть можно?

— Не следите только.

Зашли, и с порога, вставая на цыпочки, старались

заглянуть на печку, но видели лишь ноги, облепленные грязью; довольны были и этим.

Вечером, когда Арканька вышел гулять, его засыпали вопросами:

— Где был? Зачем ушел? Как сумел часы разбить?

От него узнали, что он был в соседней деревне—нанялся картошку рыть.

— Часы-то серебряные, если Антон Григорьевич заставит папаньку новые покупать—ему век не заработать, вот я и ушел в деревню картошку рыть—три рубля дали, да велели за картошкой приходить.

Арканька после этого случая получил прозвище «пропавший» и заслужил вдвое большее уважение всей ребятни

Н. КЛАЗМЕНСКИЙ.

ЧИТАЛЬНЯ.

У неизменных дорог
Живем в затерянном поселке.
Зимю часто под порог
Приходят плакать злые волки.

А если сизая метель
Пройдет походкою сердитой,—
Мы пять, и шесть, и семь недель
Живем республикой забытой.

Сюда б газетку,—но, увы...
Не долетит через болота...
Живем мы с ездой мировым
И всеземным переворотом.

Пусть к нам не мерены пути,
И дед Ермил сохью нашег,
Но он вот взял и приютил
К себе в избу читальню нашу.

Еще у дедушки в углу
Ик на с тощеньк й свечею,
А мы тут цел му селу
Читаем книжки Ильичевы.

Мороз и вьюга на дворе...
Ну что ж? и пусть игает круче.
Мы помаленьку будем греть
Котел всесветных революций...

АНТОН ГОРСКИЙ.

ЦЕНА в Москве, провинции и на станции жел. дор. — 25 копеек.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

№ 21. Третий год издания. 17 Мая 1925 г. Москва. Третий год издания. № 21.

Привет XII Всероссийскому Съезду Советов!

Фот. ВЦИК.

Группа беспартийных делегатов — членов президиума XII Всероссийского Съезда Советов.

«чрезвычайная» тройка, посоветовавшись, решила обойти всех служащих, обследовать, и уже тогда только приступить к распределению... но...

Александр не дал ему договорить, одним прыжком очутился он около стола и загремел:

— Дайте мне, варвары! Я босиком! С ума хотите свести, я и то уж в сумасшедшем доме, что ж, что я беженец! Лучше расстреляйте меня, а сапоги дайте! Смотрите, — он начал взметывать ноги.

— Товарищ, товарищ, успокойтесь! Это дезорганизация, — отстранил его от сапог один из членов тройки.

— Не пужна мне ваша «дезортация», к чорту ее, сапоги мне, слышите! Сапоги, говорю, надо!

— После обследования.

— Нечего за мной следить, я и так никуда не убегу, сапоги, говорю вам, дайте мне, давайте! Лучше греха не делайте!

— Товарищ, прошу без угроз, — вступился уже председатель тройки. — Сказано: нельзя до времени, значит — нельзя!

— Живодееры, грабители, — взвыл Шелепов, бросаясь на улицу.

— Рехнулся, видно, малый, — пошутил кто-то.

— Дальше сумасшедшего дома не убежит, — заметил второй.

Александр, как серый кот, катился по грязной улице, не замечая окружающих, ничего не чувствуя и бормоча:

— Идиоты! Пусть, пусть! Все равно подыхать, напишу ему, напишу... все равно подыхать!..

Лицо его передернуло. Он оставался, тискал голову, бросался вперед.

Вот его комната... Все еще не отдавая себе ясного отчета в своем поступке, он схватил перо, чернильницу, бумагу и начал:

«Председателю Российского Совнаркома
В. Ленину.

От гражданина Российской вашей республики Александра Максимовича Шелепова, родом из Уфимской губернии, Уфимского уезда, бывшего когда-то мещанина.

Заявляю вам, что сего числа августа месяца 28 и 1920 года у нас в Губздравотделе было собрание общих служащих Губздравотдела по распределению сапогов выданных на общих служащих Губздравотдела Губсовнархозотделом всего 17 пар всего на 300 человек, в том числе и я сумасшедшего дома сиделец, при разделе мне служащему сумасшедшего дома категорически отказали мотивируя, что я бывший беженец т.-е. я раньше в указанном Уфе родном городе имел небольшую торговлишку, да и то не моя была а жены покойницы. Ну, я как муж покойной был, дак и говорю, што моя. Торговлишка так приблизительно оборот имела тышеченок на 7 на 8 в

год а может быть и меньше, жена все подчитывала, я то сам почти неграмотный, и на первых парах жил у нее как вроде работника. Почему я бежал? Потому что страху большого нагонял всем Колчак, двухголовыми большевиков называл, конечно от такого страха лататы. Попал в лапы одному отряду, ну с ним и за границу в Китай попал, но вернулся я сам, вскоре тут же, потому с *бусурманами* разве нам русским жить? Вернулся говорю сам, а вот теперь врагом меня считают нашей советской власти. Оставляют *босым роздетым и розутым* и говорят

«враг наш ты — *здояни*». А идет осень сибирская, а я без сапог и жаловаться некому как вам угодно хоть казните; хоть милуйте, но прошу разрешения получить пару сапог.

А. Шелепов».

Александр даже не перечитал, запечатал, написал адрес в Москву и тут же бросил в ближайший почтовый ящик. Очнулся он только тогда, когда вернулся Григорий с парой новых сапог.

— Делили?

— Делили.

— А мне?

— Ты же ушел.

— Да ведь не хотели делить!

— Собрание состоялось.

Александр тут только понял, какую он сделал огромную оплошность. Он вспомнил про письмо, но уже поздно, и ему представилось, что он совершил громадное преступление. Но когда — не помнил, отчего — не знал. В жар бросило. О письме он умолчал, но стал угрюм, молчалив и рассеян до такой степени, что однажды не затворил буйную камеру, из которой бросился на него сзади больной, сбил его и стал душить. Благодаря трем подоспевшим сиделкам и Григорию, он избежал уродства. Он стал

бояться людей, которые приходили на свидание с больными, ему грезилось только одно:

— Вот этот идет за мной. Сейчас возмут и поведут в ЧЕКА, а там уж приказ двухголового Ленина — убить его, как торговца, как беженца! За сапоги... за сапоги...

Оставаясь один где-нибудь в уголку, крадучись, начинал он молиться:

— Господи, не допусти! Господи, только бы письмо не дошло до него, до двухголового.

Он не мог сознать, что многое в письме было ложью. Страх за будущее брал верх и сковывал. Сослуживцы заметили происшедшую в нем перемену и стали опасаться за его здоровье. А когда Александр отказался от предложенных Григорием сапог, — об этом доложили врачу. Тот вызвал его в кабинет.

— Что с тобой, Александр?

Александр, теребя бороду, промывчал:

— Увольте меня.

Врач удивился:

— Почему?

Н. Ульянов.

Пушкин с женой у зеркала.

(Выставка «Жар-Цвет»).

Ю. Оболенская.

(Выставка «Жар-Цвет»).

Пушкин.

— Не могу я больше тут.

И больше он не хотел отвечать ни на какие вопросы.

— Хорошо. Подайте заявление,—проговорил врач, пожимая плечами и провожая его за дверь.

У Александра созрела неожиданно мысль скрыться.

— Удери за границу,—место знакомое, удери,—размышлял он в обеденной, накрывая на стол.

— Тебе письмо, Александр,—прервала его размышления сиделка, крутя в руках синий конверт с печатным адресом.—Уж не от возлюбленной ли какой, Александр Максимович? Никогда не получал, а тут вдруг,—шутила сиделка, протягивая руку.

Александр побледнел, поперхнулся и отступил, сиделка испуганно обернулась.

— Да бери же! Что ты, как от огня, прячешься!—и, всунув ему в руки письмо, она быстро спустилась вниз.

Александра словно опускали то в огонь, то в воду. На конверте в круглой печати чернело: «Москва».

Его точно дикого зверя заперли в клетку.

! «Удрать! Бежать, сейчас бежать!—замелькало у него в голове.—Смерть! Смерть тут моя!»...

Он огляделся кругом, прислушался к шуму буйных внизу, прижался к решетке окна и разорвал конверт. Но тут же отбросил его и захохотал. Не узнал себя. Потом с'ежился, как хищник, приготовляясь к прыжку, и... бросился из коридора на улицу.

— Держи! Держи-и!.. Держи!.. Понеслось—кругом.

— Сумасшедший!... Сумасшедшего держи-и-и...

Улица поворачивала. Его поймали, привели и поместили в буйную камеру.

Разорванное письмо нашли под столом, в нем было: «Семипалатинскому губсовнархозу.

При сем препровождается заявление гр-на А. Шелепова с резолюцией Предсовнаркома т. Ленина.

Управляющий делами СНК Горбунов».

А на заявлении в одном углу фиолетовыми чернилами поперек надпись:

«Прошу выдать одну пару сапог

Предс. СНК В. Ульянов (Ленин)».

И долго после того врач и все служащие недоумевали, как это могло быть. Как это великий человек может заниматься распределением сапог? Да еще кому?..

Через год и три месяца Александр выздоровел. Он получил новые солдатские сапоги, с документов же он дал снять копию и их так же, как и сапоги, хранит в своей хате в селе Александровке. Показывая их каждому, он говорит: «Сапоги Ленина». Осторожно осматривая их, он добавляет: «Это не сапоги,—это моя новая жизнь. Сапоги Ленина... они... они... чего мне стоят!»... И каждый раз он крестит свое седое лицо.

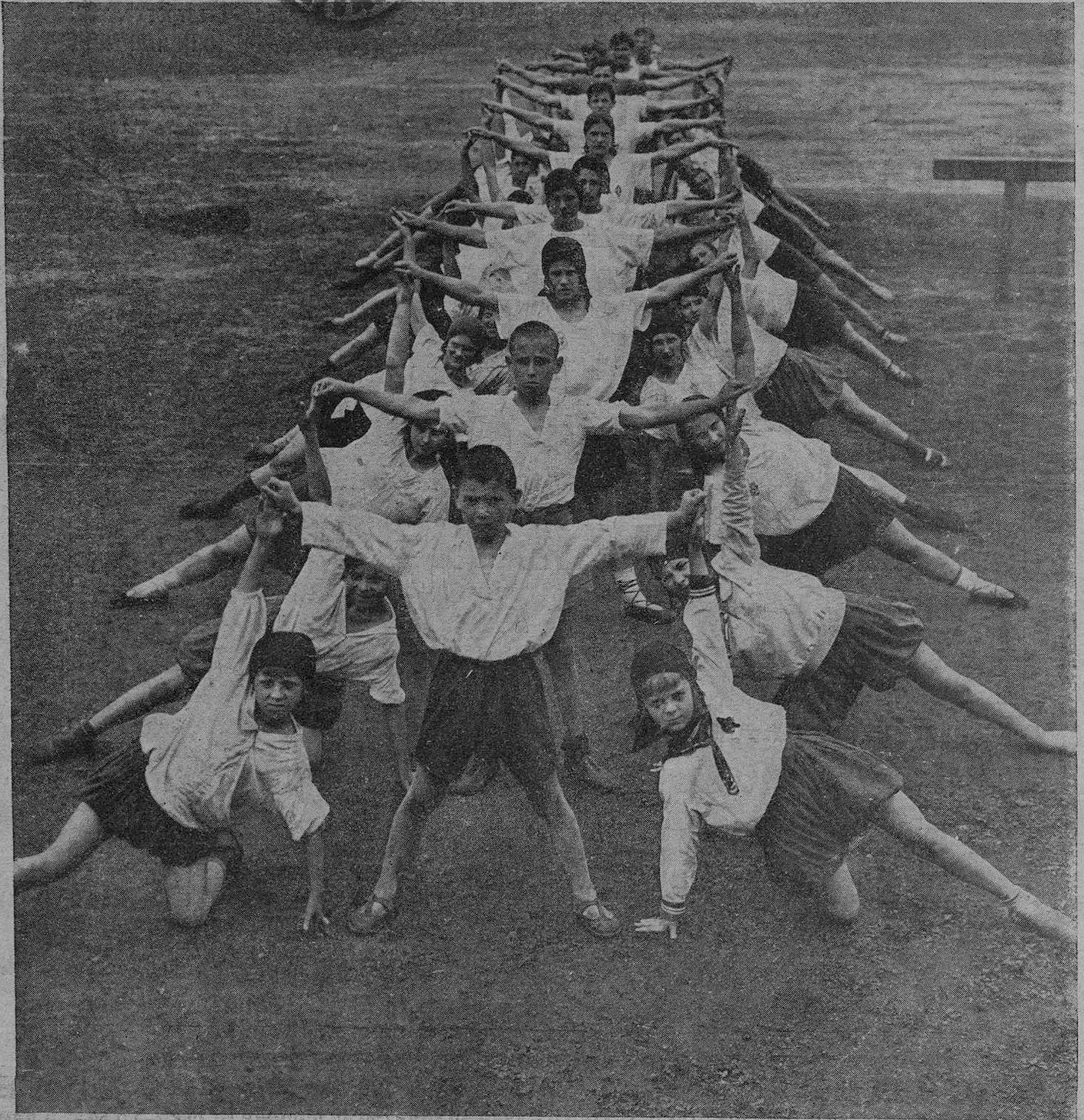
В. ГОРБАЧЕВ (СИБИРЯК).

ЦЕНА в Москве, провинции и на станции жел. дор.—**25** копеек.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

№ 24. Третий год издания. 7 Июня 1925 г. Москва. Третий год издания **№ 24.**

Фот. Н. Петрова.

Школьники летом.—Физкультура.

КРАСНАЯ НИВА

— ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ —
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО И Ю. М. СТЕКЛОВА

№ 24

Москва, 7-го июня 1925 г.

№ 24

СОДЕРЖАНИЕ: Сапоги Ленина, рассказ В. Горбачева. Четырнадцать фут, рассказ А. Грина. Два лица, очерк современной деревни Тана. Цейлон—страна белых слонов и коричневых рабов, очерк А. Чачикова. «Красное Эхо», очерк С. Бройде. Портрет Лувеля, статья Л. Грузинского. Стихотворения П. Орешина и В. Наседкина.

Иллюстрации и заметки: Памятники Пушкину. Президиум ЦИК СССР. Памятник жертвам интервенции. Выставка по авиоспорту. В деревне. Постоянная выставка ВСНХ СССР. Остров Цейлон. Фабрика «Красное Эхо». Птицеводное хозяйство. На Черноморском побережье. Спорт и ребусы.

Искусство: П. Грабарь «Карусель». П. Павленов «А. С. Пушкин». Н. Ульянов «Пушкин с женой у зеркала» и Ю. Оболенская «Пушкин».

П. Грабарь.

(Выставка «Московские Живописцы».)

Карусель.

М. Харламов.

(Выставка «Ж р-Цзет»).

На отдыхе.

— Да що-ж вы це таке чините с дитем? От-то поганци, гайдамацки злыдни. Чи малые кобыляки—маеѣ дивчононьку? Да будѣ вы...—тут она поперхнется.

— Вот то-то и есть, что не малые,—почешется Бугай. Петьша в то время мерно отходит (он тут не при чем—он дежурный).

Марыська уже в дверях заговорщицки грозит кулаком, а мать с новым запасом воздуха в груди строчит-строчит. И долго еще тарахтит отступающим пулеметом, хоть и не в кого: и муж молчит, и Бугай давно уж в караулке подшивает оборванный в сапогах поднаряд, и лицо его, выявленное в позиционных ветрах, светится удовольствием от встряски.

ГЛАВА 2,

которая имеет достаточно оснований, чтобы быть рассказанной, и в которой поясняется, с чем едят „электрификацию“.

А вот уж неподалеку от водокачки кружит над Кипелью и над припавшими к ней ракушками-деревьями невиданная доселе голосистая стая рабочих и техников: вот уж она близ Колобродов...

— Эй, товарищ!

Оглянулся. Зацурился в брови седые—в серую чану сухостоя-боярышника.

— Дедушка, далеко ли тут до села?

— А хто его... немеряно, знашь. Эдак-то рукой подать, а эдак-то ногой задесть: верстов пяток, чать, напрямки...

— А ну, Москалев—рейку!

Техник к трубе нивелира, к стеклышку принагнулся, а старик притяделся-придвинулся, ровно обомшелый пенёк; сорвал березовый лист, разжевал неспешно:

— А кого это вы промеряете, робята?

— Землю, дедушка, землю,—зубоскалят городские рабочие, дальние.

— Да я видно, чать, што не небо. Ровно быдто я не видно,—обидчиво сказал дед.—К чому, мол, это? Вот, вить, я к чому.

— План сымаем с реки, насчет плотин.

— Пло-отин... Запруда, стало быть,—то левым, то правым глазом шелится.—Вишь ты... Д-ыть мелыиц-то быдто хватат. Молоть-то ровно бы не хватат, милые.

— Для электрификации,—раз'ясняет, углубясь в записи, техник.—Эй, держи-и! Чего скособенился.

— Постой, закурю уж, товарищ Петров,—схватывается речник, чиркая зажигалкой.

Отойдя в сторону, громотит дедушка ядовито:

— Эка, вить... Я располагал—добро чо: передел либо што. А тут—затеи: е... е... Ухх, слова толще, прости господи,—хрустит как хворост, как поземная хвоя.

Но рабочим обидно:

— А вот как завертит Кипель молотилки да избы светом зальет, узнаешь тогда, какие затеи.

Отгребаются старой рукой назад, пятятся как рак под камень:—не видать бы, не слышать бы... Без того жили—век прожили.

А группа сially уж нивелир с установки, и вот уж далеко от них дедушка—старый, замшелый пенёк.

ЦЕНА в Москве, провинции и на станции жел. дор. — 25 копеек.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

№ 25. Третий год издания. 14 Июня 1925 г. Москва. Третий год издания. № 25.

Фот. военкора П. Р. Ласеа.

Красноармейцы в лагере. Радиолюбители.

КРАСНАЯ НИВА

— ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ —
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО И Ю. М. СТЕКЛОВА

№ 25

Москва, 14-го июня 1925 г.

№ 25

СОДЕРЖАНИЕ: Человек с биноклем, рассказ Вл. Ветрова. Землетрясения в Японии, очерк О. Плетнера. Человек и солнце, очерк М. Симонович. В Задонских степях, очерк Вл. Гиляровского. Реклама, очерк Рузера. Новые кладбища мамонтов, Познякова-Охременко. Стихотворения В. Наседкина и Дм. Земляка. Н. Богословского.

ИЛЛЮСТРАЦИИ И ЗАМЕТКИ: Красноармейцы в лагерях. К 6-й годовщине Военно-Политической Академии имени тов. Толмачева. К перелету Москва—Китай. К урегулированию городского движения на Западе. Открытие Тепло-технического института в Москве. Землетрясения в Японии. В Задонских степях. Человек и солнце. Ухищрения западно-европейской рекламы. Центральный Музей Народоведения. Сибирский худ.-промыш. техникум. Стрелковые состязания.

ИСКУССТВО: Хирошиге—«Гроза». М. Харламов.—«На отдыхе». ШАШКИ И РЕБУСЫ.

ЯПОНСКАЯ ЖИВОПИСЬ.

Хирошиге.

Гроза.

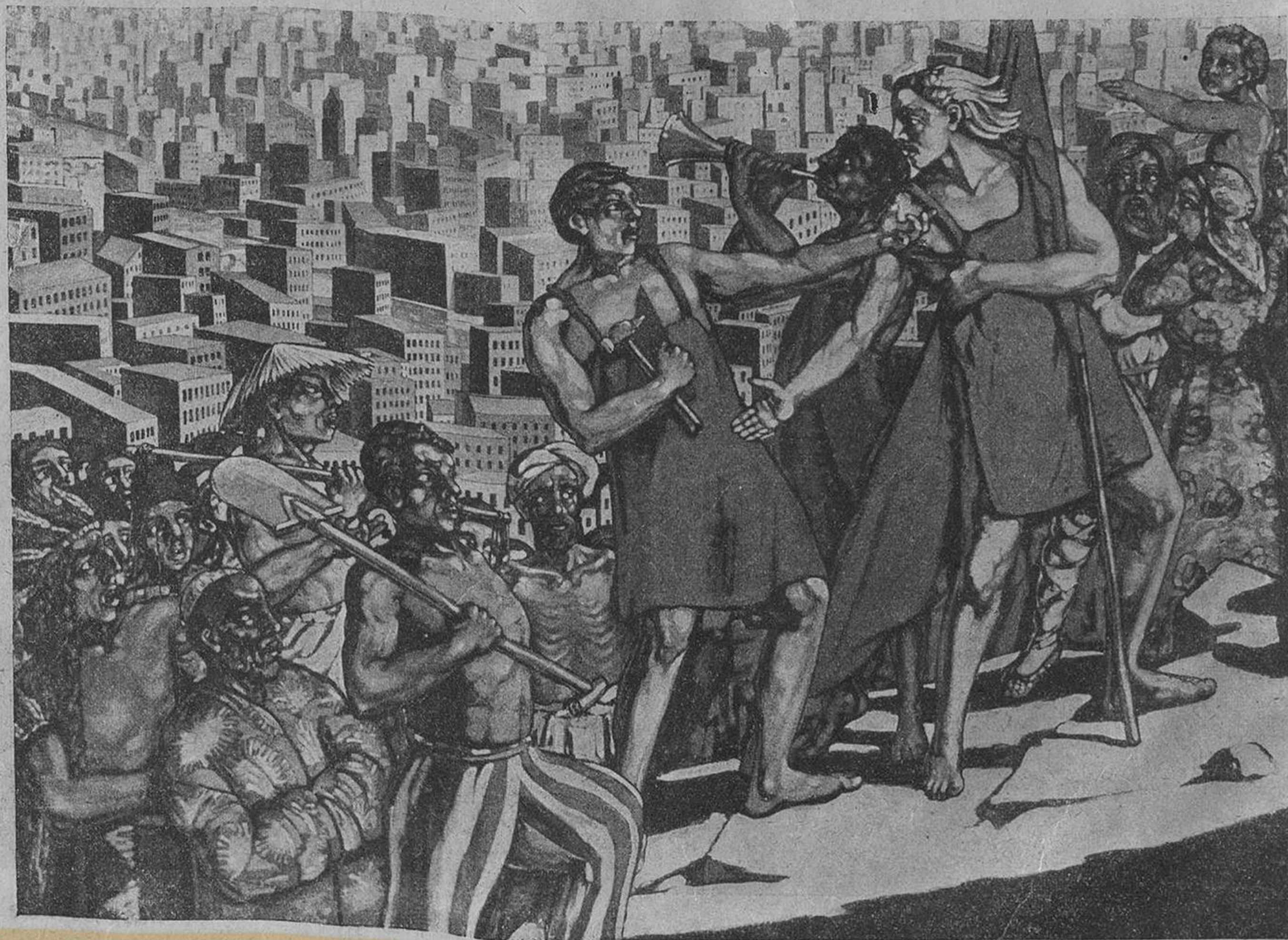
Хирошиге (1797—1858) — один из наиболее блестящих представителей замечательной «народной» школы японских гравюров конца XVIII в. В его гравюрах на дереве запечатлелась черта, характерная для всего японского творчества — особая чуткая наблюдательность к явлениям природы, столь изменчивой в Японии. Дождь, гроза, буря, извержение вулканов, — вот излюбленные мотивы японской гравюры, исполненной такой же нежной хрупкости, как и сама природа этой миниатюрной и хрупкой страны.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.

Из поэмы «Летающий Пролетарий» В. Маяковского.

На ходу рассказывает
 бывшее в двадцать пятом году.
 Возьмем наудачу.
 Тогда весной отправлялись на дачу.
 Ездили по железной дороге.
 Пыхтят и ползут понемножку.
 Все равно, что ласточку
 поставить на ноги,
 Чтоб шла, ступая
 с ножки на ножку.
 Захотелось свернуть,
 пойти по лесу—
 Нельзя.
 Соблюдай рельсу.
 А то еще в древнее время
 так называемые, автомобили.
 Тоже мое почтение!
 Способ сообщеньца.
 По воздуху нельзя,
 По воде— не может.
 Через лес— нельзя
 Через дом— тоже.

Ну, скажите, это
 машина разве?
 Шины лопаются,
 неприятностей масса.
 Даже на фонарь
 не мог лазить—
 Тут же ломался.
 Сейчас захочу—
 и в сторону ринусь.
 А разве езда
 с паровозом—
 примус.
 Теперь приставил
 крыло и колеса
 да вместе с домом взял
 и понесся.
 А захотелось остановиться—
 Вот тебе Винница.
 Вот тебе Ницца!
 Больным во время оное
 Прописывались
 солнечные ванны.
 Днем и то
 сложивши ручки
 Жди,
 чтоб вылез
 луч из-за тучки.
 А в самолете,
 хоть с самого полюса.
 Прилетай
 и пользуйся.

Е. Камзолкин.

ЦЕНА в Москве, провинции и на станции жел. дор.— 25 копеек.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

№ 30. Третий год издания. 19 Июля 1925 г. Москва. Третий год издания. № 30.

День конституции СССР в Москве.

Фот. В. Лободы.

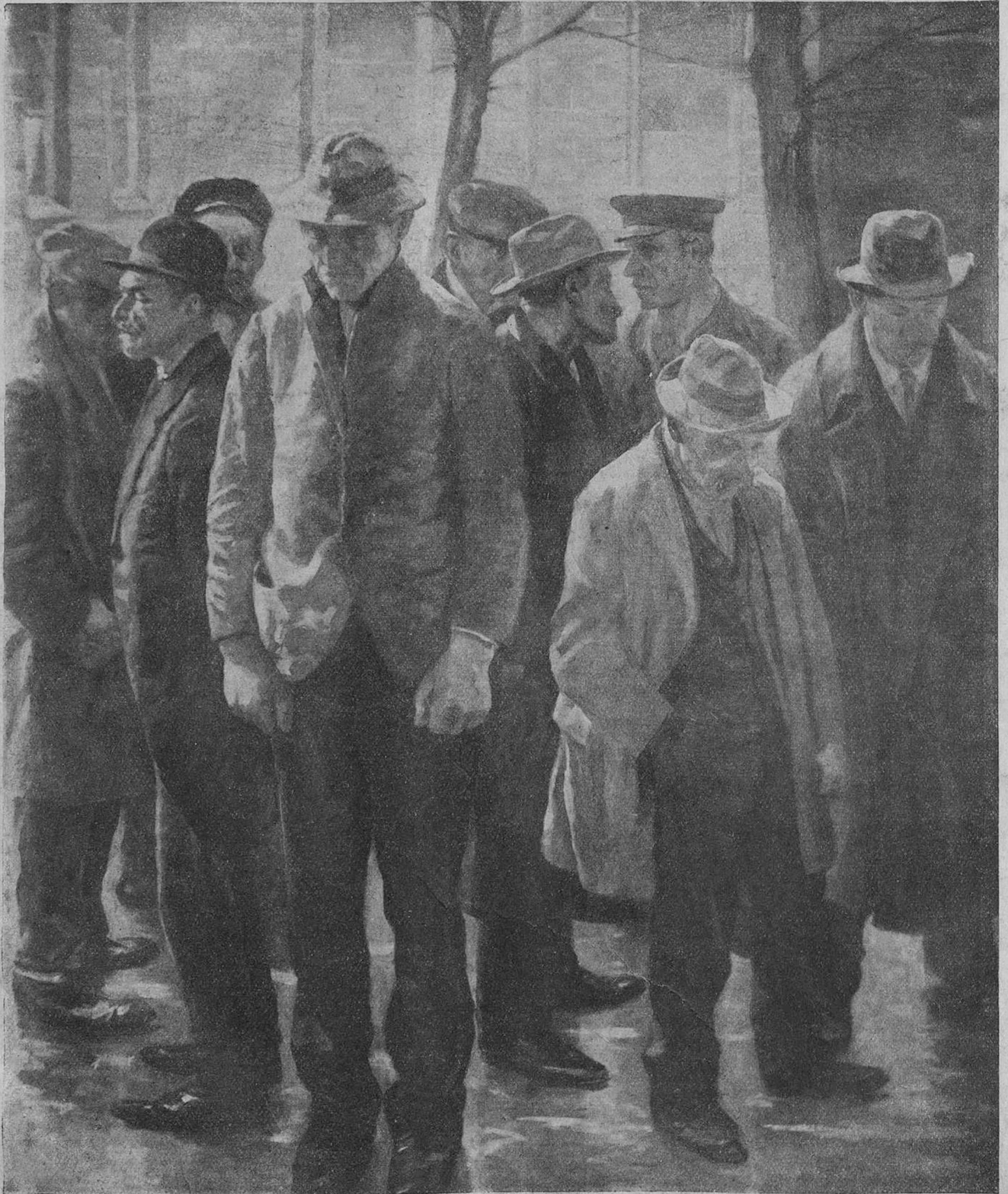
Представительства национальностей на митинге.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ НИВА

№ 30 — 19-го июля 1925 г.

Библиотечка
Почт. Гуд. Сов. Проф. Союз

Проф. Зандкуль.

Большая берлинская художественная выставка 1925 года,

Безработные.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ НИВА

№ 50 — 6-го декабря 1925 г.

Ст. Н. Петрова.

К. В. Кандауров.

(Выставка «Жар-Цвет»).

Пав. 1921 года.

ЦЕНА в Москве, провинции и на станциях жел. дор.—20 копеек.

КРАСНАЯ НИВА

№ 50. Третий год издания. 6 декабря 1925 г. Москва. Третий год издания. № 50.

Фот. Н. Петрова

Начало зимы. Пионеры на лыжах.